

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ МУЗЫКИ ИМ. ГНЕСИНЫХ
при поддержке
РОССИЙСКОГО ФОНДА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(проект № 18-012-20048 г)

к 75-летию

Российской академии музыки
имени Гнесиных

Сборник по материалам
Международной научной конференции
30 октября – 2 ноября 2018 года

Москва 2018

МУЗЫКАЛЬНАЯ НАУКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

к 75-летию Российской академии музыки имени Гнесиных
Сборник по материалам Международной научной конференции 30 октября – 2 ноября 2018 года

Издание осуществлено при финансовой поддержке
РОССИЙСКОГО ФОНДА
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(проект № 18-012-20048 г)

Музыкальная наука в контексте культуры: к 75-летию Российской академии музыки имени Гнесиных. Сб. по материалам Международной научной конференции. РАМ им. Гнесиных, 30 октября – 2 ноября 2018 г./ Отв. ред. Е.С. Дерунец, Т.И. Науменко, Ю.Н. Пантелеева, И.А. Преснякова. М.: Пробел-2000, 2018. – 408 с.

ISBN 978-5-98604-703-4

© РАМ им. Гнесиных 2018
© Коллектив авторов, 2018
© ПРОБЕЛ-2000, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

От ответственных редакторов 9

I. Исторический путь музыкознания.

Традиции, идеи, имена

Науменко Т.И.

доктор иск., проф., зав. кафедрой теории музыки Российской академии музыки им. Гнесиных

Научная деятельность ГМПИ им. Гнесиных в первое десятилетие института 15

Скурко Е.Р.

доктор иск., проф. Уфимского государственного института искусств им. З.Г. Исмаилова

РАМ имени Гнесиных и музыкальная академическая культура Башкортостана: параллели и пересечения 27

Мироненко Е.С.

Заслуженный деятель искусств Республики Молдова, доктор иск., проф., зав. секцией истории музыки на кафедре музыковедения и композиции Академии музыки, театра и изобразительных искусств (Кишинев)

Выпускники ГМПИ им. Гнесиных – в авангарде музыкальной культуры Республики Молдова 45

Зенкин К.В.

доктор иск., проф., проректор по научной работе Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского

Размышляя над текстами А.В. Михайлова.

О «преломленном» и «непреломленном» отношении композитора к слову .. 56

Цукер А.М.

доктор иск., проф. Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова

Гипотетический дайджест конференции

«Музыкальная наука и массовая музыка в контексте культуры» 65

II. Методологические поиски современного музыкознания

Гуляницкая Н.С.

доктор иск., проф. Российской академии музыки им. Гнесиных

Компаративный метод и «культурный трансфер»? 78

Коробова А.Г.

доктор иск., проф. Уральской государственной консерватории им. М.П. Мусоргского

О новых парадигмах в современной теории музыкальных жанров 87

Валькова В.Б.

доктор иск., проф. Российской академии музыки им. Гнесиных

Документ и факт в научной биографии музыканта

(из опыта работы над «Летописью жизни и творчества» С.В. Рахманинова) 98

Алеев В.В.

канд. иск., проф., зав. кафедрой педагогики и методики Российской академии музыки им. Гнесиных

Идея состояний тональности как методологическая основа

при изучении гармонии С.В. Рахманинова 110

Преснякова И.А.

канд. иск., доц. Российской академии музыки им. Гнесиных

Российская музыкально-лексикографическая практика XVIII века:

к проблеме изучения 120

Сусидко И.П.

доктор иск., проф., зав. кафедрой аналитического музыкознания Российской академии музыки им. Гнесиных

Старинная опера: вызовы современному музыкознанию 131

Жесткова О.В.

канд. иск., доц. Казанской государственной консерватории им. Н.Г. Жиганова

Социально-политический подход в исследовании

французской большой оперы 140

Крылова А.В.

доктор культурологии, проф., проректор по научной работе

Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова

Трансформация оперного жанра в свете развития технологий 150

Хасанишин А.Д.

канд. иск., доц. Уфимского государственного института искусств им. З.Г. Исмагилова

Наследие Франкфуртской школы (Т. Адорно, Ю. Хабермас, М. Фуко)
и музыкознание 161

Алпатова А.С.

канд. иск., проф. Российской академии музыки им. Гнесиных

Музыкальная археология в контексте науки и культуры XIX – XXI веков 173

Алкон Е.М.

доктор иск., проф. Российской академии музыки им. Гнесиных

Современные подходы к изучению музыкальной культуры Востока 185

III. Искусство и эпоха

Ромащук И.М.

*доктор иск., проф., проректор по научной работе Государственного
музыкально-педагогического института им. М.М. Ипполитова-Иванова*

Культура и наука: восхождение к забытому прошлому 196

Дыникова И.В.

*канд. иск., с.н.с. Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачева, доц. Московской государственной
консерватории им. П.И. Чайковского*

Канон или модернизм? Музыкально-эстетические взгляды старообрядчества
начала XX века 204

Старостенко Ю.Д.

*канд. арх., с.н.с. отдела современных проблем средоформирования
и градорегулирования НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства*

Архитектурно-градостроительные проекты как инструмент создания образа
«прекрасного завтра» в 1930-е годы (на примере Москвы) 215

Косенкова Ю.Л.

*доктор арх., г.н.с. НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства,
член-корр. РААСН*

Архитектура и градостроительство советского периода
как объект исторического осмысления 225

Соколов Б.М.

доктор иск., проф. факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета

«И большое молчание – громкая речь»: музыкальные средства
в поэтической системе В.В. Кандинского 236

Саввина Л.В.

доктор иск., проф., проректор по научной работе Астраханской государственной консерватории

Специфика художественного отражения мира
в музыке XX – начала XXI века 247

Рыжинский А.С.

доктор иск., проф., проректор по стратегическому развитию профессионального музыкального образования Российской академии музыки им. Гнесиных

«Тембровая эмансипация» в хоровом творчестве Дьердя Лигети 258

Терехина В.Н.

доктор филол. наук, г.н.с. Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

«Музыка революции» и футуристическая фонетика 271

Енукидзе Н.И.

канд. иск., доц. Российской академии музыки им. Гнесиных

Рецепция театральной переделки
в репертуаре «Кривого зеркала» 1920-х годов 280

Купец Л.А.

*канд. иск., проф. Петрозаводской государственной консерватории
им. А.К. Глазунова*

История музыки как Public history: проблемы, перспективы, достижения 293

Высоцкая М.С.

*доктор иск., проф. Московской государственной консерватории
им. П.И. Чайковского*

Повторение и различие: к теории репетитивности 303

Берак О.Л.

канд. пед. наук., проф. Российской академии музыки им. Гнесиных

Принцип комплементарности в музыке
современных отечественных композиторов 316

IV. Россия и Запад в судьбе отечественных музыкантов.
Памяти доктора искусствоведения Александра Васильевича Ивашкина
(1948 – 2014)

Dixon G. (Диксон Г.)

*PhD, приглашенный научный сотрудник и действующий руководитель
Центра русской музыки Голдсмита колледжа Лондонского университета
(Goldsmiths University of London), Великобритания*

Schnittke's Passacaglia for Orchestra: a Study of the Compositional Sketches
(Пассакалья для большого оркестра А. Шнитке: изучение композиционных
эскизов) 329

Сниткова И.И.

канд. иск., проф. Российской академии музыки им. Гнесиных

Кризис экзистенции: «Terminus» et cætera Фараджа Караева
(посвящение А. Ивашкину) 339

Красникова Т.Н.

доктор иск., проф. Российской академии музыки им. Гнесиных

Канон и стиль как ключевые понятия
теоретической концепции А.В. Ивашкина 350

Цареградская Т.В.

доктор иск., проф. Российской академии музыки им. Гнесиных

Экфраза в Четвертой симфонии Арво Пярта 356

Купровская Е.О.

канд. иск., PhD, Университет Сорбонна (Sorbonne Université), Франция

Четыре элемента в творческом мышлении Эдисона Денисова 368

Пантелеева Ю.Н.

канд. иск., доц. Российской академии музыки им. Гнесиных

Композиции Николая Корндорфа в репертуаре Александра Ивашкина 378

Adamenko V. (Адаменко В.)

*PhD, Пенсакола колледж Университета Западной Флориды
(University of West Florida, Pensacola State College), США*

Alfred Schnittke's finding the holy in «The song of Magdalene»: a tribute to
Alexander Ivashkin («Песня Магдалины» Альфреда Шнитке:
обретение святости. Дань уважения Александру Ивашкину) 391

Флехсиг А.

*PhD, научный сотрудник Ганноверского университета музыки, драмы и медиа
(Hanover University of Music, Drama and Media), Германия*

Незамаскированная фальшь: музыкальный смех в трех советских операх 399

I. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ МУЗЫКОЗНАНИЯ. ТРАДИЦИИ, ИДЕИ, ИМЕНА

Т.И. Науменко

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГМПИ им. ГНЕСИНЫХ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ИНСТИТУТА¹

Одной из феноменальных особенностей Гнесинского института с первого дня его существования было отсутствие сколько-нибудь остро выраженного «периода становления» – вуз с первых дней заработал так естественно, как будто продолжил ранее начатое дело. Собственно говоря, так и было: Е.Ф. Гнесина к тому времени имела уже полувековой опыт руководства гнесинскими учебными заведениями; кроме того, в Москве оказалось немало хороших музыкантов, ставших первыми профессорами нового института.

Конечно, прежде всего следует отметить вклад Московской консерватории, которая щедро поделилась всем, чем могла. Это в полной мере осознавалось Еленой Фабиановной. В 1946 году, в связи с 80-летием консерватории, Гнесина направила «сыновнее приветствие» от «института-первенца»². Двадцать лет спустя, в честь 100-летия консерватории, она уже прямо обращается к своей *Alma mater*: «Дорогая Московская Консерватория! Наша мать и бабушка!»³ И это были не просто красивые юбилейные слова.

Чтобы понять, как закладывались основы научной деятельности Гнесинского института и в чем заключалось их своеобразие, необходимо обратиться к документам – их значительная часть была передана в

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 16-04-00131а «Феномен советского музыкознания и его влияние на формирование отечественной музыкальной культуры».

² Елена Гнесина. «Я привыкла жить долго...». Воспоминания, письма, статьи, выступления / сост. В.В. Тропп. М.: Композитор, 2008. С. 218.

³ Там же, с. 221.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Документы, находящиеся там, показывают, какой на самом деле была роль науки в первое десятилетие существования института, то есть во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х; почему научно-методическая концепция оказалась наиболее убедительной для открытия нового музыкального вуза в столичном консерваторском городе; наконец, действительно ли произошло такое жесткое разделение научных обязательств между новым институтом и Московской консерваторией, первому предназначив создание учебной литературы, а другой – предоставив приоритет в работе над фундаментальными научными исследованиями. Не стоит также забывать, что одновременно с ГМПИ им. Гнесиных был открыт Всесоюзный научно-исследовательский институт истории искусств АН СССР (ныне – Государственный институт искусствознания), также принявший на себя значительную часть создаваемых в стране научно-музыкальных исследований.

Документы, относящиеся к предвоенной пятилетке, вплоть до эвакуации Московской консерватории осенью 1941 года, показывают, что в этот период профессорами консерватории был создан целый ряд трудов, среди которых абсолютное первенство держали не монографии и тем более не диссертации, которых были считанные единицы, а именно учебники. Среди наиболее значимых, представленных в последний предвоенный год, – «История русской музыки» под ред. М.С. Пекелиса (1940), «История западноевропейской музыки до 1789 года» Т.Н. Ливановой (1940) и «История новой европейской музыки от Французской революции 1789 г. до Вагнера» В.Э. Фермана (1940). Одновременный выход трех учебников по истории музыки имел свои причины. За фасадом этого значимого события стояли скрытые процессы, имевшие в том числе и политический характер. Некоторая их часть была направлена против научно-музыкального образования: это была старая история, родившаяся практически одновременно с самим консерваторским музыкознанием. И в предвоенный, и в послевоенный периоды сомнение в целосообразности специального музыковедческого факультета то и дело обострялось, вынуждая музыковедов искать различные формы «оправдания» своей профессии.

Очередная «антимузыковедческая» инициатива возникла в 1936 году, когда недавно созданный Комитет по делам искусств объявил

борьбу против формализма. Эта борьба добралась и до консерватории, которой была направлена рекомендация увеличить численность студенческих групп по музыкально-историческим дисциплинам до 100 человек путем слияния с другими факультетами. При отсутствии учебников возникала угроза унификации учебных программ для всех специальностей. Больше всего могли пострадать музыковеды, для которых история музыки входила в круг специальных дисциплин. В апреле заседание исторической комиссии Московской консерватории посетила и.о.директора В.Н. Шацкая. Историки секции выразили единодушное несогласие с предложением Комитета, назвав его «методически немотивированным». Было решено, что укрепление статуса профессии требует скорейшей разработки учебников по всему музыкально-историческому спектру. Шацкая закончила заседание словами: «В этом году мы скажем в Комитет, что займемся спецификацией каждой специальности и созданием методических материалов по истории музыки»⁴.

Сразу после публикации серии названных учебников вышел тематический номер журнала «Советская музыка» – № 12 1940 года, – почти целиком состоящий из рецензий: Соллертинского – на учебник Фермана; Кузнецова – на учебник Ливановой; Альшванга, Беляева, Рабиновича (сразу три рецензии) – на учебник под редакцией Пекелелиса⁵.

Эти факты показывают, что на государственном уровне именно учебной литературе был отдан приоритет среди всех остальных жанров музыковедческого творчества. Весомым доказательством можно считать и то обстоятельство, что учебно-методическая литература стала постоянной темой публикаций в журнале «Советская музыка», причем обсуждались не только материалы уже созданные и опубликованные, но и будущие, планируемые⁶.

⁴ Протоколы заседания историко-теоретической кафедры Московской государственной консерватории // РГАЛИ. Ф. 658. Оп. 14. Ед. хр. 612, 906.

⁵ Советская музыка. 1940. № 12 // РГАЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 151. 161 с.

⁶ Рыжкин И. О содержании и построении музыкально-теоретического образования // Советская музыка. 1939. № 5 // РГАЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 93; Келдыш Ю. О музыкально-историческом воспитании советского музыкознания // Советская музыка. 1940. № 12. РГАЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 150; Кулаковский Л. В борьбе за советский учебник теории музыки // Советская музыка. 1941. № 2. РГАЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 1 и др.

С середины 1940-х годов выход каждого учебника сопровождался многодневным обсуждением на музыковедческой секции Союза советских композиторов, на открытых межвузовских и межкафедральных совещаниях в музыкальных учебных заведениях... Само такое *обсуждение* представляло особый феномен, который необходимо прокомментировать. Так, 1-й том очерков Ю.В. Келдыша «История советского музыкального творчества» обсуждался на заседании музыковедческой комиссии Союза советских композиторов в течение двух дней 22 и 23 октября 1947 года⁷, и это было только начало длинного цикла открытых тематических собраний. Другой учебник Келдыша – «История русской музыки» – обсуждался на открытом заседании теоретико-композиторского факультета МГК совместно с музыковедческой секцией Союза советских композиторов; совещание длилось с перерывами с 30 ноября до 17 декабря 1948 года⁸. Не менее обстоятельно обсуждались и музыкально-теоретические труды. Своего рода рекордом стало обсуждение учебника А.С. Оголевца «Основы гармонического языка» и пособия «Введение в музыкальное мышление», завершенных в 1936 году, однако поставленных в план обсуждений только в 1946. Эти труды рассматривались Музыковедческой комиссией Союза композиторов на протяжении 14 дней. Общий объем протоколов составил 1273 страницы⁹.

В таком историческом контексте, отмеченном более чем пристальным вниманием к учебной литературе, которое год от года только нарастало, Е.Ф. Гнесина задумала музыкальный вуз научно-методического

⁷ Стенограммы обсуждения очерков «История советской музыки» [1 том] 22-23 октября 1947 г. // РГАЛИ. Ф. 2077. Оп. 1. Ед. хр. 201. 151 л.

⁸ Стенограммы общих собраний факультета по обсуждению учебника проф. Ю.В. Келдыша «История русской музыки». Протокол обсуждения учебника Ю.В. Келдыша «История русской музыки» на открытом собрании теоретико-композиторского факультета МГК совместно с музыковедческой секцией Союза советских композиторов 30 ноября – 6 декабря 1948 г., т. I // РГАЛИ. Ф. 658. Оп. 1. Ед. хр. 508. 97 л.; Протокол обсуждения учебника Ю.В. Келдыша «История русской музыки» на открытом собрании теоретико-композиторского факультета МГК совместно с музыковедческой секцией Союза советских композиторов 10 – 17 декабря 1948 г., т. II // РГАЛИ. Ф. 658. Оп. 18. Ед. хр. 509. 133 л.

⁹ Стенограмма обсуждения трудов А.С. Оголевца «Основы гармонического языка» и «Введение в современное музыкальное мышление» // РГАЛИ. Ф. 2077. Оп. 1. Ед. хр. 174 – 200.

профиля. Институт был создан, как известно, в 1944 году, и в том же 1944 был утвержден первый план научно-исследовательской работы. В нем была обозначена деятельность каждой кафедры без исключения.

По кафедре теории музыки, возглавляемой С.С. Скребковым, было принято три главных обязательства: первое заключалось в том, чтобы разработать скоординированный план музыкально-теоретического образования, ориентированный на его трехуровневый характер, так как система гнесинских учебных заведений теперь представляла собой комбинат, включающий все звенья музыкального образования – от школы до вуза. На первом же совещании историко-теоретико-композиторского отдела ГМПИ, училища и школы им. Гнесиных, состоявшемся 30 сентября 1944 года, Скребков подчеркнул именно это обстоятельство: «Закрепление знаний должно быть в форме учебников и здесь выдвигается вопрос создания их в своем комбинате (т.к. задачей отдела является руководить методическими вопросами музыкального образования не только в институте, но и в училище, и в школе)»¹⁰.

Вторым обязательством стала разработка плана нового учебника гармонии. Она была выполнена О.Л. Скребковой в двух формах: Хрестоматии по гармоническому анализу (1948) и Практического курса гармонии для студентов-вокалистов (1952), ставшего первым специализированным учебником после выхода в свет консерваторского «бригадного» учебника гармонии. Наконец, третье предусматривало создание учебника музыкальной грамоты для детских музыкальных школ. Это обязательство приняла на себя Е.В. Давыдова, которая впоследствии создала все первые учебники и стала автором методики преподавания сольфеджио.

Кафедра истории музыки в полном составе взялась за учебник музыкальной литературы для музыкальных училищ и ряд разработок по зарубежной музыке, в том числе по музыкальной культуре США – этой темой занялась принятая на кафедру в 1944 году В.Д. Конен. Как и на кафедре теории музыки, был задуман скоординированный план музыкально-исторического образования в комбинате, который разрабатывал заведующий кафедрой В.Э. Ферман.

¹⁰ Протокол № 1 совещания историко-теоретико-композиторского отдела ГМПИ, училища и школы им. Гнесиных, состоявшегося 30. IX. 44 г. // РГАЛИ. Ф. 2927. Оп. 1. Ед. хр. 194. Л. 3.

Научные обязательства взяли на себя и другие кафедры. Например, кафедра духовых инструментов внесла в годовой план создание сразу трех учебников: Школы для трубы (М.И. Табаков), фагота (Я.Ф. Шуберт) и флейты (Н.И. Платонов). Даже военная кафедра взяла на себя разработку трех учебных пособий для высших учебных заведений страны: по курсу тактической подготовки, по курсу огневой подготовки и по специальности «медицинская сестра запаса Красной армии»¹¹.

Поистине инновационным проектом стала разработка комплекса учебных материалов для заочного отделения, предложенная на заседании кафедры теории музыки заместителем директора Ю.В. Муромцевым 7 сентября 1949 года¹². Этот комплекс заслуживает специального изучения как крупное учебно-методическое достижение своего времени.

Примечательной особенностью научной деятельности института с первых дней его работы явилось соотношение учебно-методической и исследовательской деятельности. Если тематика плановой литературы была преимущественно методической, то в диссертациях дело обстояло несколько иначе. Педагоги, заявившие работу над диссертациями до 1948 года (когда в институте была открыта аспирантура), вносили свои темы в обязательства кафедр. Так, в план кафедры истории музыки на 1944/45 год были включены две кандидатские диссертации: «Русская опера XVIII века» Е.А. Бокщаниной, и «Фортепианные сонаты Бетховена» К.К. Розеншильда. Перед защитой диссертаций обе темы были существенно изменены, но работы доведены до конца¹³.

¹¹ План научно-методической работы Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных на 1944 – 1945 год // РГАЛИ. Ф. 2927. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 2, 3, 6, 7.

¹² Протокол № 1 заседания кафедры теории музыки Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных от 7 сентября 1949 года // РГАЛИ. Ф. 2927. Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 9.

¹³ Сведения о защите диссертаций педагогов ГМПИ им. Гнесиных в указанный период : С.С. Скрёбков. Принципы музыкальной формы в историческом возникновении (докт., 1945); К.К. Розеншильд. Вопросы эстетики бетховенских сонат (канд., 1946); Ф.Г. Арзаманов. Танеев-педагог (канд., 1954); И.А.Смирнова. Эстетические принципы Серова-критика (канд., 1954); Е.А. Бокщанина. «Санкт-Петербургский гостинный двор» Матинского – Пашкевича и русская опера XVIII века (канд., 1955).

К 1952 году в аспирантуре института числилось 15 аспирантов, в их числе будущие преподаватели академии разных специальностей: Ф.Г. Арзаманов, В.А. Берлинский, О.Д. Бошнякович, Л.Б. Дмитриев, И.А. Прохорова, Б.С. Ионин, И.П. Мозговенко. Почти сразу стало очевидно, что аспирантура стала важнейшим инструментом подготовки кадрового состава института. Диссертацию по условиям этого типа обучения уже тогда обязаны были писать аспиранты всех специальностей, хотя, конечно, как и сейчас, получалось это далеко не всегда.

Утвержденные темы диссертаций были связаны преимущественно с общенаучной проблематикой музыковедения того времени либо с проблемами музыкального исполнительства. Вот несколько примеров:

Смирнова И.А., кафедра истории музыки (научный руководитель канд. иск. К.К.Розеншильд). Западноевропейский романтизм в критической оценке А.Н. Серова (окончание аспирантуры – январь 1952);

Ионин Б.С., кафедра истории музыки (научный руководитель канд. иск. К.К.Розеншильд). Принципы воспитания музыкантов у Чайковского и Римского-Корсакова (окончание аспирантуры – октябрь 1952);

Бошнякович О.Д. (научный руководитель докт. иск. Г.Г. Нейгауз). Русские советские пианисты – исполнители сонат Шопена (окончание аспирантуры – октябрь 1952);

Берлинский В.А. (научный руководитель докт. иск. С.М. Козолупов). Исполнение квартетов Чайковского (окончание аспирантуры – октябрь 1952);

Арзаманов Ф.Г. (научный руководитель докт. иск. С.С. Скребков). Танеев как педагог (окончание аспирантуры – октябрь 1953)¹⁴.

Примечательно, что не аспирант выбирал тему будущей диссертации, а кафедра. Так, поступившим в 1948 году Ионину и Смирновой, одновременно с утверждением в качестве научного руководителя Т.Н. Ливановой, были назначены темы: Смирновой – «О русском классическом квартете», Ионину – «Русская фортепианная музыка конца

¹⁴ Список аспирантов государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных // РГАЛИ. Ф. 2927. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 2, 3.

XIX и XX века»¹⁵. Однако в 1949 году Ливанова ушла из института, и аспиранты перешли в класс К.К. Розеншильда, сменив и темы диссертаций¹⁶.

Если сравнить темы гнесинских аспирантов с обсуждаемыми в тот же период диссертациями, выполненными в Московской консерватории, то различия покажутся не слишком существенными. Никакой специальной «привязки» к методическому профилю вуза в целом не заметно, хотя дипломные работы и диссертации на методические темы выполнялись на протяжении всей истории института. Обращает на себя внимание и состав профессоров, принявших на себя руководство первыми гнесинскими аспирантами. В специальной таблице, содержащей сведения о других местах работы, у всех без исключения научных руководителей таким местом значится Московская государственная консерватория¹⁷. Возможно, это обстоятельство отчасти повлияло на формирование академического облика первых диссертационных исследований нового института.

Одновременно следует отметить и практику совместных заседаний музыковедческих кафедр консерватории и ГМПИ им. Гнесиных, посвященных обсуждению научной и учебной литературы, создаваемой в обоих вузах. Отчасти этому способствовало взаимное рецензирование создаваемых трудов – таких, например, как «Русские пианисты» А.Д. Алексеева (обсуждение в МГК при участии кафедры истории музыки ГМПИ им. Гнесиных)¹⁸, или программ ряда учебных курсов. Особняком стоит обсуждение некоторых магистральных трудов, прежде всего, упомянутых учебников Ю.В. Келдыша «История русской музыки» и «Очерки советской музыкальной культуры», в которых принимали

¹⁵ Протокол заседания кафедры истории музыки ГМПИ им. Гнесиных от 2 декабря 1948 года // РГАЛИ. Ф. 2927. Оп. 1. Ед. хр. 263. Л. 30.

¹⁶ Смена научного руководителя обоих аспирантов в середине учебного года зафиксирована в протоколе кафедры истории музыки. См.: Протокол заседания кафедры истории музыки ГМПИ им. Гнесиных от 24 февраля 1949 года // РГАЛИ. Ф. 2927. Оп. 1. Ед. хр. 263. Л. 72.

¹⁷ Список аспирантов государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных // РГАЛИ. Ф. 2927. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 2, 3.

¹⁸ Факт упоминается К.К. Розеншильдом в ходе заседания кафедры истории музыки. См.: Протокол заседания кафедры истории музыки ГМПИ им. Гнесиных от 2 декабря 1948 года // РГАЛИ. Ф. 2927. Оп. 1. Ед. хр. 263. Л. 31.

участие музыковеды МГК, ГМПИ им. Гнесиных, Всесоюзного научно-исследовательского института истории искусств АН СССР, а также музыковеды и композиторы, входившие в Музыковедческую секцию Союза советских композиторов¹⁹.

Не миновали институт и события 1948/49 годов. В части, связанной с учебно-методической деятельностью, они выразились в пересмотре всех крупных результатов, достигнутых в предшествующие годы. Одной из характерных акций времени, направленных против космополитизма и антипатриотизма, было требование пересмотра и изъятия из учебного процесса ранее упомянутых историй музыки, – прежде всего, учебников Пекелиса и Ливановой 1940 года.

24 февраля 1949 года К.К. Розеншильд провел заседание кафедры истории музыки, прибегнув к риторике, которая до сих пор ни разу не встречалась в документах института. В повестке стояло обсуждение итогов 1-го полугодия в свете указаний статьи в газете «Правда» от 28 января «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Собрания, посвященные обсуждению серии обличительных статей против антипатриотов и космополитов, прошли во многих учреждениях страны²⁰. Протицирую небольшой фрагмент из протокола этого

¹⁹ См., например: Стенограммы объединенных заседаний кафедр всеобщей истории музыки, марксизма-ленинизма Московской консерватории и кафедры истории музыки института им. Гнесиных по обсуждению проекта программы по курсу всеобщей истории музыки для исполнительских факультетов 11-18 мая 1954 года // РГАЛИ. Ф. 658. Оп. 18. Ед. хр. 596. 61 л.; Стенограммы общих собраний факультета по обсуждению учебника проф. Ю.В. Келдыша «История русской музыки» 30 ноября – 6 декабря 1948 года, т. I // РГАЛИ. Ф. 658. Оп. 18. Ед. хр. 508. 97 л.; Стенограммы общих собраний факультета по обсуждению учебника проф. Ю.В. Келдыша «История русской музыки» 10 – 17 декабря 1948 года, т. II // РГАЛИ. Ф. 658. Оп. 18. Ед. хр. 509. 133 л.; Стенограмма обсуждения Очерков советского музыкального творчества. РГАЛИ // Ф. 2077. Оп. 1. Ед. хр. 202. 178 л.

²⁰ См. документы МГК и ГМПИ им. Гнесиных: Стенограмма общего собрания факультета по обсуждению статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», опубликованной в газетах «Правда» и «Культура и жизнь». 15 – 17 марта 1949 // РГАЛИ. Ф. 658. Оп. 18. Ед. хр. 513. 229 л.; Стенограмма заседания Совета института по обсуждению доклада Муромцева Ю.В. «Борьба за разгром антипартийной группы музыковедов-космополитов и наши задачи». 9 и 10 марта 1949 года // РГАЛИ. Ф. 2077. Оп. 1. Ед. хр. 44, 45. 76 л.; 96 л. См. также: Дело музыковедов // Власова Е.С. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование. М.: Классика – XXI, 2010. С. 360-400.

заседания, еще раз обратив внимание, что в контексте советского музыковедения учебная литература находилась в зоне особого риска – это обнаруживалось в каждый острый период советской истории:

В чем коренные недостатки и ошибки в нашей работе? Развернув борьбу с эстетствующим формализмом в музыке и музыковедении, мы проглядели, однако, главное – его антипатриотическую сущность... Мы не приняли своевременных и энергичных мер к изъятию вредных антипатриотических, космополитических книг, проникнутых раболепием перед иностранщиной и пытающихся оспорить наш отечественный приоритет в наиболее драгоценных и передовых приобретениях музыкального искусства XIX века... Я имею в виду, в первую голову, такие порочные работы, как учебник по истории русской музыки под редакцией профессора Пекелиса и «Очерки» профессора Ливановой... Именно наша кафедра, наряду с кафедрой марксизма-ленинизма института, должна была бы своевременно выступить перед дирекцией института и ГУУЗом с требованием об изъятии этих вредных книг²¹.

Примечательно, что всего двумя годами раньше Розеншильд выступил редактором материалов научной сессии, посвященной в числе прочих книге Ливановой. Тогда он поставил ее работы в один ряд с работами академика Б.В. Асафьева, что означало высшее признание их достоинств, а теперь, вспоминая свой отзыв, публично каялся и отказывался от прежних слов. Этот пример является одним из многих, показывающих неопределенность и зыбкость суждений во всем, что касалось оценки не только советской музыки, но и советского музыковедения. Особенно это касалось тех исследований, которые выполнялись в русле государственного заказа и находились под особым контролем государства.

Справедливости ради следует сказать, что это был единственный документ такого рода, исходящий от кафедры. Ни в каком другом протоколе историко-теоретико-композиторского факультета, относящемся к 1948–1949 годам, нет и намека на осуждение или даже критическое переосмысление какой-либо книги, учебника или программы.

²¹ Протокол заседания кафедры истории музыки ГМПИ им. Гнесиных от 24 февраля 1949 года // РГАЛИ. Ф. 2927. Оп. 1. Ед. хр. 263. Л. 30.

Итак, несмотря на обстоятельства, которые далеко не всегда были благоприятствующими, в плане создания учебно-методической литературы первое десятилетие оказалось одним из самых продуктивных за всю историю института. Примерная статистика показывает, что абсолютным лидером среди всех методических жанров была программа: их создавалось ежегодно от 40 до 50, притом некоторая часть предназначалась для школ и училищ. Это был замечательный жанр методической литературы, издаваемой, как правило, Министерством культуры в виде отдельных брошюр по каждой дисциплине. Некоторые программы носили настолько подробный характер, что напоминали конспекты лекций.

Следует отметить еще один жанр, в тот период достаточно значимый. На фоне существующих учебников создавались многочисленные монографические очерки с подзаголовком «Пособие», задача которых заключалась в дополнении и углублении соответствующих глав учебников по истории музыки: зарубежной, русской и советской. Один только Б.В. Левик разработал такие пособия по темам «И.С. Бах», «Оперная реформа Глюка», «В.А. Моцарт», «Ференц Лист», «Морис Равель», «Критика французского музыкального импрессионизма. Дебюсси», «Н.Я. Мясковский», «А.И. Хачатурян», «В.П. Соловьев-Седой»... Такой тип работы отчасти напоминал научную деятельность Асафьева в первое послереволюционное десятилетие, когда будущий академик один за другим выпускал именные исследовательские очерки, заполняя еще пустое тогда научное поле:

Чайковский: Опыт характеристики (1921);

Скрябин: Опыт характеристики (1921);

Лист: Опыт характеристики (1922);

Шопен: Опыт характеристики (1922);

Мусоргский: Опыт характеристики (1923);

Глазунов: Опыт характеристики (1924) и т.д.

Таким образом, созидательная научно-методическая работа, план которой утверждался ежегодно и подписывался лично Е.Ф. Гнесиной, носила целенаправленный характер – подобно тому, как шаг за шагом строился и сам Гнесинский комбинат. Запросы на создание программ и пособий неукоснительно выполнялись, формируя учебно-методическую базу профессионального музыкального образования страны. За ко-

роткое время деятельность института приняла всесоюзный масштаб. Велась обширная переписка с Комитетом по делам искусств, Министерством высшего образования СССР, с 1953 года – с Министерством культуры СССР о создании учебников не только для школ, училищ и вузов РСФСР, но и ряда союзных республик. Одновременно институт выполнял поручения по рецензированию научно-методической продукции, создаваемой на всей территории СССР²².

С позиции сегодняшнего дня мы видим, что ГМПИ им. Гнесиных стал великим проектом времени. Он отвечал его главному запросу, момент которого вполне может быть определен словами С.С. Аверинцева – «вселенский апофеоз школы». Если сама советская история мыслилась как непрерывный педагогический процесс, то какой уникально высокой должна была быть роль и учебного заведения, и учебной книги!

²² См., например: Переписка с Главным управлением учебных заведений Комитета по делам искусств при СМ СССР о плане-перспекте программы по истории украинской музыки, научной работе В.С. Галацкой «Очерки музыкальной литературы». 22 сентября – 6 декабря 1950 // РГАЛИ. Ф. 2927. Оп. 1. Ед. хр. 9. 37 л.; Переписка с Главным управлением учебных заведений Комитета по делам искусств при СМ СССР о составлении учебных программ, организации учебного процесса и приема студентов. 18 января – 29 ноября 1952 // РГАЛИ. Ф. 2927. Оп. 1. Ед. хр. 13. 15 л. ; Переписка с Комитетом по делам искусств при СМ СССР о рецензировании очерков по истории карело-финского, литовского и эстонского музыкального искусства. 8 января – 30 мая 1951 // РГАЛИ. Ф. 2927. Оп. 1. Ед. хр. 11. 52 л.

РАМ имени ГНЕСИНЫХ И МУЗЫКАЛЬНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА БАШКОРТОСТАНА: ПАРАЛЛЕЛИ И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Годы 2018 и 2019 являются юбилейными для недавно отметившего свое 50-летие Уфимского государственного института искусств имени Загира Исмагилова и готовящейся к 75-летию юбилею Российской академии музыки имени Гнесиных, связанных между собой теснейшими узами. Более того, приблизительно до середины 1980-х годов Уфимский институт называли «филиалом ГМПИ им. Гнесиных», и это не случайно, учитывая ту историческую роль, которую сыграла «Гнесинка», начиная с первых ее выпусков, в судьбе музыкального образования в Башкортостане. Приведем несколько фактов из предыстории данного события.

Хорошо известно, что в бурном развитии всех национальных музыкальных культур бывшего СССР, особенно Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии, в которых до XX века отсутствовала академическая традиция как таковая, огромную роль играла русская культура и прежде всего такие ее центры, как Московская и Петербургская консерватории. С 1944 года в этот круг вошел Институт имени Гнесиных. Итогом стала сложившаяся парадигма академической культуры, *включающая систему образования, композиторское творчество, исполнительство.*

Основой данного сообщения послужил значительный корпус исследований, принадлежащих как российским, так и башкирским музыковедам, историкам, культурологам. Назову работы М.А. Идрисовой [3], С.И. Махней [8], сборники «Очерки истории башкирской музыки» [10] и «Из истории музыкального образования в Башкирии» [4], «Уфимскому государственному институту искусств 25 лет» [13].

В развитии академического образования в Башкирии можно выделить *пять этапов.*

Первый – предпрофессиональный или любительский, связанный с зарождением и первыми шагами на пути профессионального музы-

кального образования, – длится приблизительно с середины XIX века до 1920 года. Кульминационными оказываются 1900 – 1910-е годы. В Уфе, центре региона, развивается салонная культура, возникают частные музыкальные школы, Общество любителей музыки, пения и драматического искусства (1885), открывается Уфимское отделение РМО (1913), организуются гастролы многочисленных театральных коллективов и т.д. Все это создавало почву для последующего развития в Уфе музыкального образования [10, 20 – 21].

Обращает на себя внимание следующий факт: на протяжении рубежных десятилетий наиболее важную роль играла группа выпускников Петербургской консерватории, открывшейся, как известно, на четыре года раньше Московской. Исследователи края называют имена «петербуржцев»-пианистов (М.В. Полищук-Уводской, Е.В. Соколовой, Л.В. Фемшиной-Ефимовой, В.И. Шиманской-Стрешневой), скрипача Н.М. Фунта и других [Там же, 25]. В частности, среди них особенно выделялась ученица А.Г. Рубинштейна, К. Таузига и Ф. Листа Вера Тиманова, талантливая концертирующая пианистка, которой П.И. Чайковский посвятил «Юмористическое скерцо» op.19 №2 [Там же, 12]¹.

На втором этапе (1920 – 1961 годы) вектор смещается в сторону Московской консерватории, что можно объяснить приоритетным положением столичного вуза, высокой концентрацией в нем выдающихся музыкантов-исполнителей с мировой известностью, крупных музыковедов-исследователей.

Отправной точкой для развития профессионального музыкального образования послужило открытие первой государственной детской музыкальной школы (1920) и Уфимского музыкального техникума с фортепианным и вокальным отделениями (1922).

Огромную роль сыграл приезд в Уфу в 1920-1930-е годы профессиональных музыкантов, выпускников Штутгартской (В.Х. Штегман), Берлинской (С.Т. Гербст), Петроградской (Е.П. Сеферова) консерваторий. В этом ряду особое значение для культуры и образования в Башкирии имела деятельность пианиста М.А. Зайдентрегера (1914 – 1994) и вокалистки Л.Н. Троицкой (1911 – 1995), окончивших Московскую консерваторию по классу С.Е. Фейнберга и Л.Н. Балановской, соот-

¹ С 2001 года в Уфе регулярно проводится конкурс юных пианистов имени В. Тимановой.

ветственно. В течение нескольких десятилетий музыканты выступали с сольными и просветительскими программами, преподавали в Уфимском музыкальном техникуме, позднее переименованном в музыкальное училище и в училище искусств. Ими были подготовлены десятки (если не сотни) учеников, продолживших образование в столичных вузах России, а с 1961 года – в высших учебных заведениях Уфы.

Едва ли не главным событием данного периода явилось открытие в Московской консерватории башкирской студии (1932), а затем и башкирского отделения (1936), где обучались вокалисты и композиторы. Из числа выпускников вокального отделения были образованы труппы недавно открывшихся Театра оперы и балета (1938) и филармонии (1939)². Композиторы же впоследствии вошли в историю башкирской культуры как классики, создатели первых национальных опер, балетов, симфоний и т.д.

В военные годы в Уфу приезжают музыканты-исполнители и педагоги, эвакуированные из Москвы, Ленинграда, Одессы, Минска, а также солисты Киевского театра оперы и балета. Была эвакуирована в Уфу и башкирская студия при Московской консерватории. Московский музыковед Г.А. Поляновский вел в филармонии впервые возникший в стране лекторий по вопросам литературы и искусства – прообраз будущих университетов культуры. Н.И. Пейко преподавал теоретические дисциплины в Училище искусств, Г.С. Козолупова вела класс виолончели, выступала с концертами. Гастрольная афиша включала сольные концерты Д.Ф. Ойстраха и Е.Г. Гилельс, Э.Г. Гилельса, Я.В. Флиера, А.Л. Йохелеса, В.В. Барсовой, М.П. Максаковой³.

В послевоенное десятилетие расширяется сеть детских музыкальных школ, в которых работают преподаватели, окончившие УУИ. В конце этого периода в училище создается музыкально-теоретическое отделение, что сыграло чрезвычайно важную роль в дальнейшей судьбе

² Создание студии и Башкирского отделения МГК, впрочем, как и Оперного театра, стало результатом интенсивной деятельности Г.С. Альмухаметова, оперного певца, композитора, собирателя и исследователя фольклора, одного из самых ярких, масштабных представителей первой генерации башкирских музыкантов-любителей. Изучению истории создания и функционирования Башкирского отделения МГК (с привлечением редких архивных материалов) посвящена дипломная работа Г.А. Баймухаметовой [1].

³ Об этом подробно пишет В.К. Ланге [7].

академического образования. Появляется первая генерация национальных композиторов, исполнителей – выпускников Московской, Казанской консерваторий, расширяется жанровый диапазон композиторского творчества, наблюдается интенсивное развитие филармонии.

Первой выпускницей Гнесинского института (1952), а затем и аспирантуры (1970) из Башкирии стала музыковед Л.П. Атанова, долгие годы преподававшая в УУИ. Вместе с ней в УУИ в 1950-х годах работали выпускники Московской консерватории скрипач М.Е. Швайштейн (1959) и хормейстер Р.М. Осипова (1956), позднее закончившая аспирантуру-стажировку в ГМПИ (1969), и другие.

В результате, к началу 1960-х годов в Республике возникает острая потребность в *создании системы музыкального образования высшего звена*. Это и стало главной концепцией *третьего этапа*, который можно определить как *переходное десятилетие* (1961 – 1970). Именно с этого периода *главным «полюсом притяжения» в культурно-музыкальном и образовательном пространстве Башкирии становится Гнесинский институт*. Некоторые параллели с «Гнесинкой» в судьбе УГИИ наглядно раскрывает таблица 1.

Открытие в 1961 году филиала *заочного отделения ГМПИ имени Гнесиных*, названного Учебно-консультационным пунктом (УКП ГМПИ имени Гнесиных), уникального учебного заведения, стало «генеральной репетицией» перед окончательным переходом в Башкирии к высшему музыкальному образованию.

Для трех отделений УКП – «Специальное фортепиано», «Хоровое дирижирование» и «Народные инструменты» – были разработаны соответствующие программы. В организации структуры филиала, создании методических разработок огромное значение имела деятельность проректора ГМПИ по заочному обучению профессора В.И. Аврагинера, которого поддерживал ректор ГМПИ профессор Ю.В. Муромцев. Большой интерес к УКП проявляла и сама Е.Ф. Гнесина⁴.

Дважды в учебном году в УКП проходили сессии, в течение которых читались лекции, проводились индивидуальные занятия, открытые уроки, принимались зачеты и экзамены. Здесь преподавали известные

⁴ Вскоре после открытия УКП обязанности его руководителя были возложены на Р.М. Осипову, в те годы аспирантку ГМПИ по классу А.А. Юрлова. Ей же принадлежит статья, где подробно освещается история УКП [9].

московские музыканты – педагоги ГМПИ, в разные периоды окончившие Московскую консерваторию. Назову несколько имен: пианисты А.С. Бернгард, А.Д. Готлиб, Т.Д. Гутман и А.Л. Йохелес, музыковеды Ю.Н. Рагс, Е.А. Бокшанина, В.К. Фрадкин и О.Б. Степанов; хормейстеры Б.Н. Ананьин и А.А. Юрлов, народники Ю.Н. Шишаков и Н.Я. Чайкин. Вскоре к ним присоединились выпускники ГМПИ (некоторые из них первоначально были направлены на работу в Уфимское училище искусств по распределению): пианисты А.И. Сац, супруги Л.А. и В.П. Стародубровские, В.К. Ланге, музыковеды Т.Е. Лейе, З.И. Гляदेशкина, С.П. Панкратов, баянисты В.Ф. Беляков, Б.П. Тевс, В.И. Моисеев, Е.С. Тейтельман, В.Г. Морозов, В.А. Башенев.

Наряду с «гнесинцами» в УКП преподавали уфимские музыканты, в разные годы окончившие Московскую, Казанскую, Ленинградскую и другие консерватории и работавшие в училище искусств: дирижеры-хоровики Р.М. Осипова-Бикмухаметова (класс В.Г. Соколова в МГК, а затем аспирантуры в ГМПИ у А.А. Юрлова) и М.П. Фоменков (класс А.В. Свешникова), пианисты М.А. Зайдентрегер (МГК), Л.Г. Кудоярова (КГК), баянист Н.Я. Инякин (Рижская консерватория) и другие (см. таблицу 2).

Ежегодно московские музыканты давали сольные концерты. Так, в исполнении А.И. Саца прозвучали все сонаты Скрябина, А.С. Бернгардта – все прелюдии Дебюсси, Т.Д. Гутмана – сонаты Бетховена⁵. Этот ряд можно продолжить.

Все названные отделения УКП являлись частью соответствующих кафедр ГМПИ. Фортепианное отделение УКП курировал профессор А.Л. Йохелес, хоровое – профессор А.А. Юрлов, народных инструментов – доцент Ю.Н. Шишаков. Выпускники УКП получали диплом ГМПИ им. Гнесиных. Более того, с закрытием в 1970 году УКП студенты, не успевшие его закончить, были переведены на 4 – 5 курсы заочного отделения ГМПИ.

А теперь немного статистики, которую приводит Р.М. Осипова в статье, посвященной истории УКП. За 10 лет его существования было подготовлено 105 музыкантов: 40 пианистов, 35 дирижеров хора, 30 исполнителей на народных инструментах (баян, домра). В итоге в республике, где до этого периода были считанные музыканты с высшим

⁵ Более подробно об этом см. в «Очерках по истории башкирской музыки» [10].